FOLIO
PG3343
.T7
1924

А. С. ПУШКИН

ЦЫГАНЫ

РИСУНКИ
Л. Ф. МАЙДЕЛЯ

ПЕТЕРБУРГ

3602/4/88

Комитет популяризации
художественных
изданий

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ
ИВАНА ФЕДОРОВА
ПЕТРОГРАД
Звенигородская ул. 11

Петрооблит № 6514 1924 Тираж 1000

Кол-н

А. С. ПУШКИН

Folio
PG3343
.T7
1924

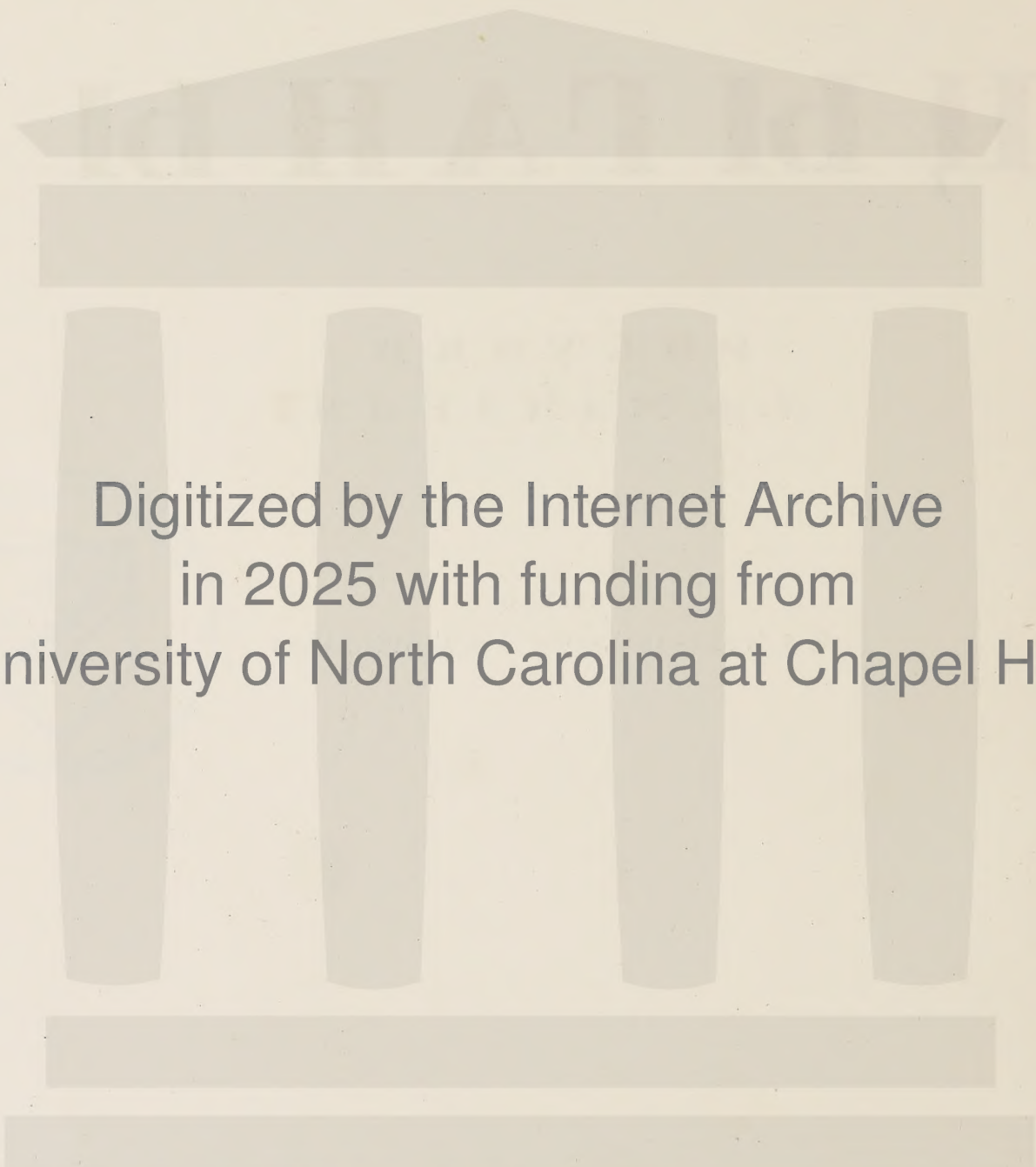
ЦЫГАНЫ

РИСУНКИ
Л. Ф. МАЙДЕЛЯ

LTSYGANY

СТАТЬИ
Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОГО и П. Е. ЩЕГОЛЕВА

КОМИТЕТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИЗДАНИЙ
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ



Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/tsygany00push

ЦЫГАНЫ.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность весел их ночлег
И мирный сон под небесами.
Между колесами телег,
Полузавешанных коврами,
Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
Все живо посреди степей:
Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь недальний,
И песни жен и крик детей
И звон походной наковальни.
Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье
И слышно в тишине степной
Лиш лай собак, да коней ржанье.
Огни везде погашены,
Спокойно все, луна сияет
Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.
В шатре одном старик не спит;
Он перед углями сидит,
Согретый их последним жаром,
И в поле дальное глядит,
Ночным подернутое паром.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять в пустынном поле.
Она привыкла к резвой воле,
Она придет; но вот уж ночь

И скоро месяц уж покинет
Небес далеких облака;
Земфиры нет как нет, и стынет
Убогий ужин старика.

Но вот она. За нею следом
По степи юноша спешит;
Цыгану вовсе он неведом.
„Отец мой, дева говорит,
Веду я гостя: за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на́ ночь зазвала.
Он хочет быть как мы Цыганом;
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду.
Его зовут Алеко; он
Готов идти за мною всюду.“

Старик.

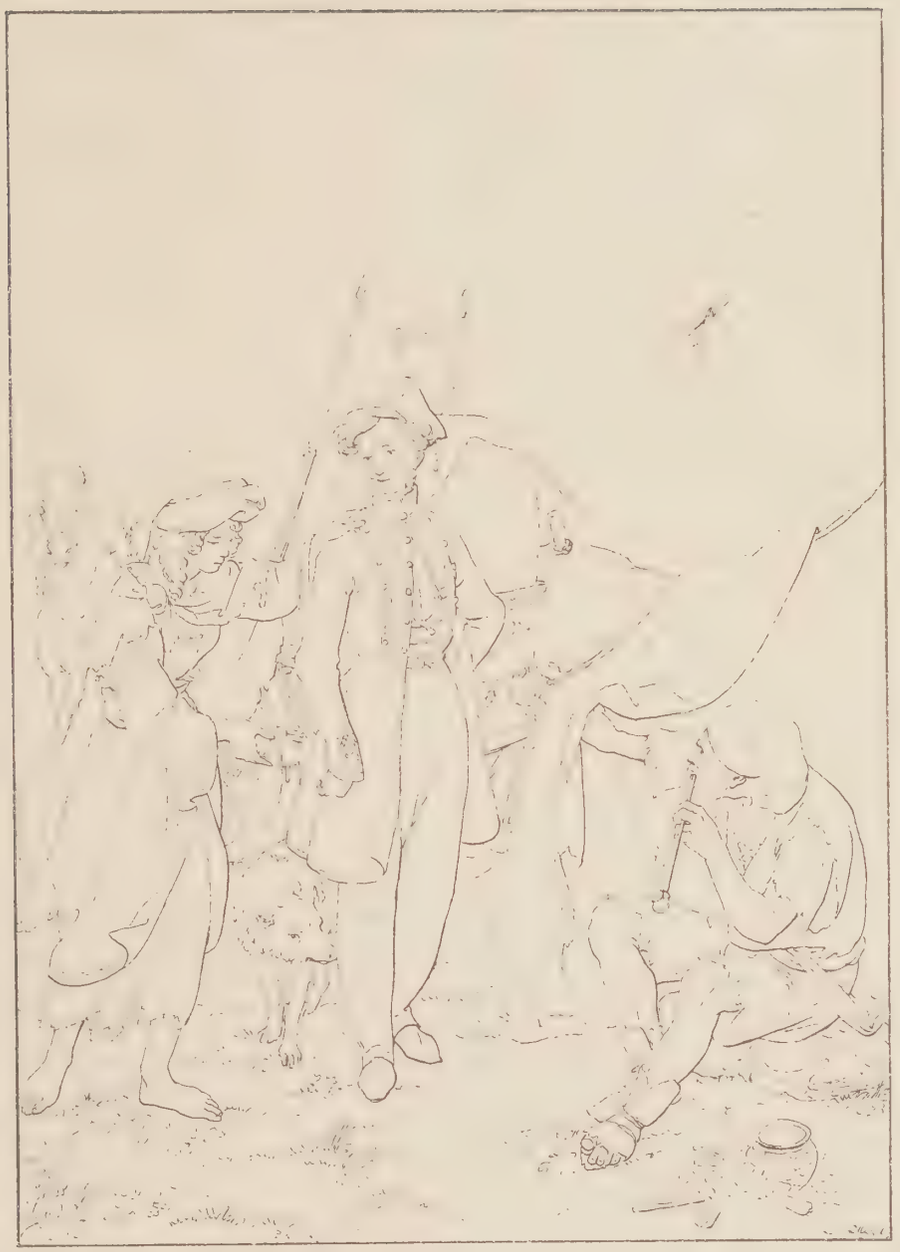
Я рад. Останься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь. Я готов
С тобой делить и хлеб и кров.
Будь наш, привыкни к нашей доле,
Бродящей бедности и воле;
А завтра с утренней зарей
В одной телеге мы поедем;
Примись за промысел любой:
Железо куй, иль песни пой
И села обходи с медведем.

Алеко.

Я остаюсь.

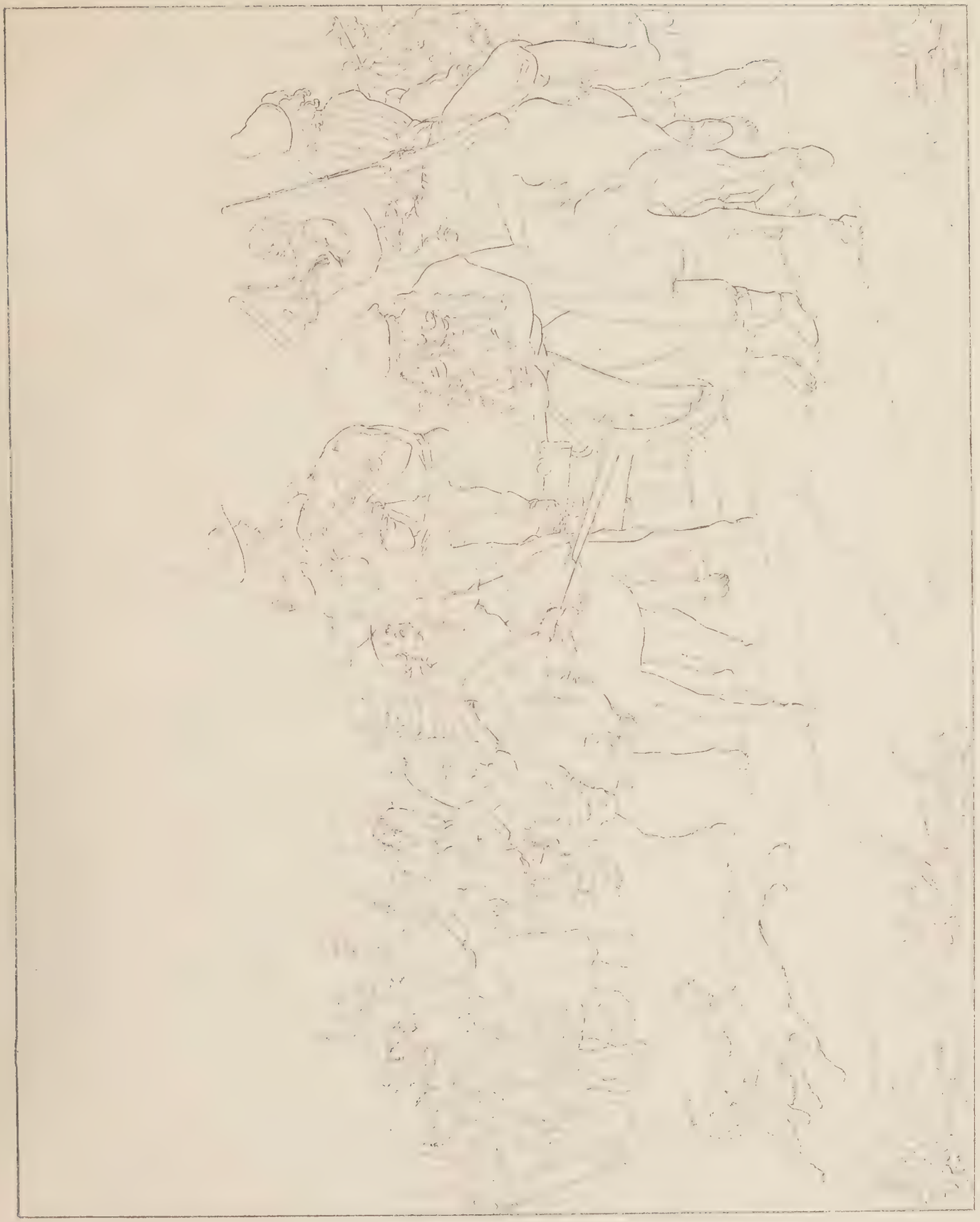
Земфира.

Он будет мой:
Кто ж от меня его отгонит?
Но поздно.... месяц молодой
Зашел, поля покрыты мглой,
И сон меня невольно клонит...



Светло. Старик тихонько бродит
Вокруг безмолвного шатра.
„Вставай, Земфира, солнце всходит,
Проснись, мой гость, пора, пора!
Оставьте, дети, ложе неги.“
И с шумом высыпал народ,
Шатры разобраны, телеги
Готовы двинуться в поход;
Все вместе тронулось: и вот
Толпа валит в пустых равнинах.
Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих несут;
Мужья и братья, жены, девы,
И стар и млад во след идут;
Крик, шум, Цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай и завыванье,
Волынки говор, скрип телег,
Все скудно, дико, все нестройно;
Но все так живо — непокойно,
Так чуждо мертвых наших нег,
Так чуждо этой жизни праздной,
Как песнь рабов однообразной.

Уныло юноша глядел
На опустелую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себе не смел.
С ним черноокая Земфира,
Теперь он вольный житель мира,
И солнце весело над ним
Полуденной красою блещет;
Что ж сердце юноши трепещет?
Какой заботой он томим?
Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда,
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдет,
Птичка гласу бога внемлет,
Встрепенется и поет.
За весной, красой природы,
Лето знойное пройдет —
И туман и непогоды
Осень поздняя несет:
Людям скучно, людям горе;
Птичка в дальние страны,
В теплый край, за сине море
Улетает до весны.
Подобно птичке беззаботной
И он, изгнаник перелетной
Гнезда надежного не знал
И ни к чему не привыкал.
Ему везде была дорога,
Везде была ночлега сень;
Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю бога,



И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лень.
Его порой волшебной славы
Манила дальняя звезда,
Нежданно роскошь и забавы
К нему являлись иногда;
Над одинокой головою
И гром не редко грохотал;
Но он, беспечно под грозою
И в ведро ясное дремал.
И жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой;
Но, боже, как играли страсти
Его послушною душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!
Давно ль, на долго ль усмирели?
Они проснутся: погоди.

Земфира.

Скажи, мой друг, ты не жалеешь
О том, что бросил навсегда?

Алеко.

Что ж бросил я?

Земфира.

Ты разумеешь:
Людей отчизны, города.

Алеко.

О чем жалеть? Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди в кучах, за оградой
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волненье,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

Земфира.

Но там огромные палаты,
Там разноцветные ковры,

Там игры, шумные пиры,
Уборы дев там так богаты!

Алеко.

Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет веселий;
А девы.... Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий!
Не изменись, мой нежный друг!
А я... одно мое желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнанье.

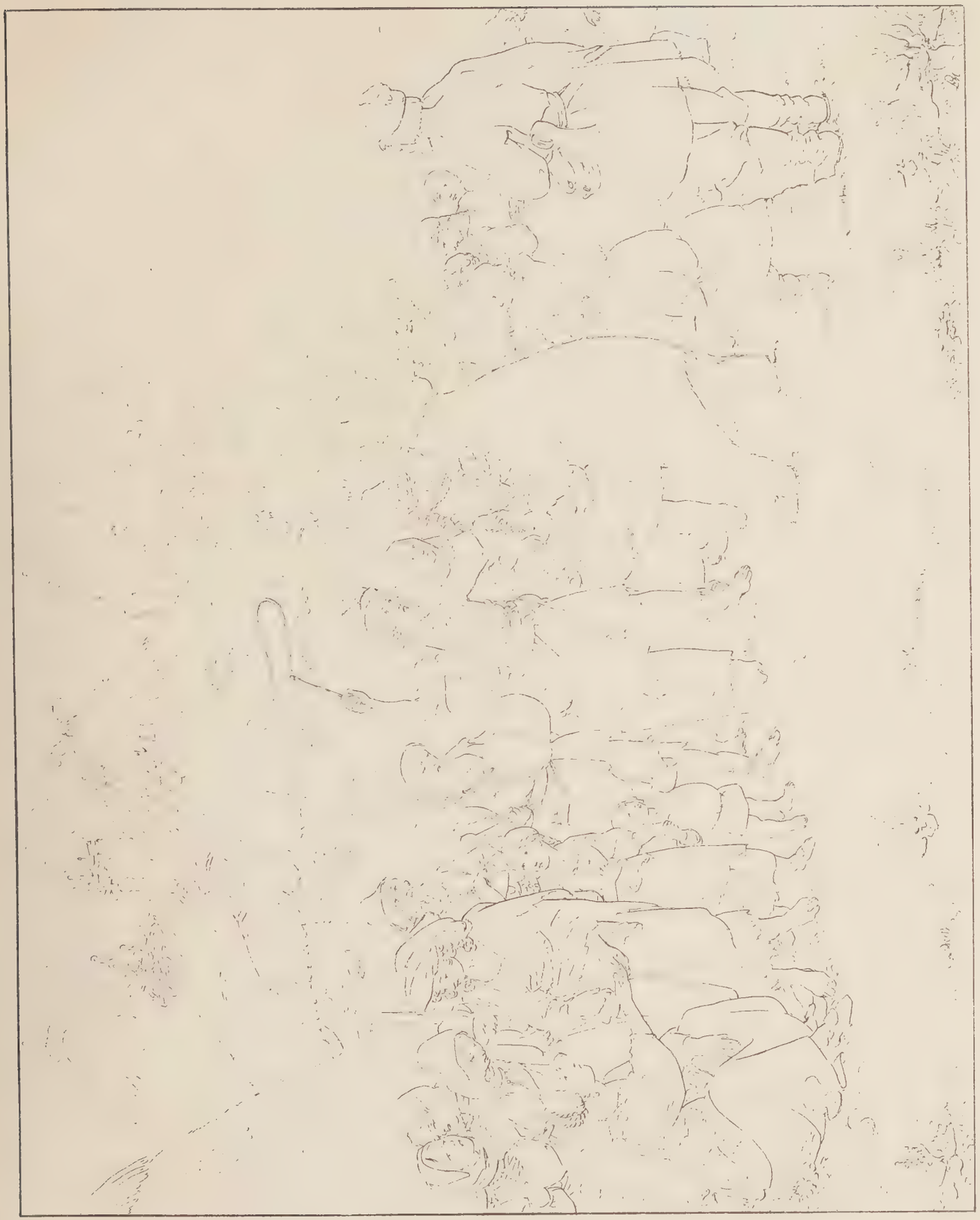
Старик.

Ты любишь нас, хоть и рожден
Среди богатого народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кто к неге приучен.
Меж нами есть одно преданье:
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье
(Я прежде знал, но позабыл
Ему мудреное прозванье).
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной:
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобной.
И полюбили все его,
И жил он на брегах Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя.
Не разумел он ничего,
И слаб и робок был как дети;
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети;
Как мерзла быстрая река
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;
Скитался он иссохший, бледной,
Он говорил, что гневный бог
Его карал за преступленье,
Он ждал: придет ли избавленье.

И все несчастный тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальный град воспоминая,
И завещал он умирая,
Чтобы на Юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли
Не успокоенные гости.

Алеко.

Так вот судьба твоих сынов,
О Рим, о громкая держава!
Певец любви, певец богов,
Скажи мне: что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий
Или под сенью дымной кущи
Цыгана дикого рассказ?



Прошло два лета. Также бродят
Цыганы мирною толпой;
Везде, по прежнему, находят
Гостеприимство и покой.
Презрев оковы просвещенья
Алеко волен, как они;
Он без забот и сожаленья
Ведет кочующие дни.
Все тот же он, семья все та же;
Он прежних лет не помня даже,
К бытью цыганскому привык.
Он любит их ночлегов сени
И упоенье вечной лени
И бедный, звучный их язык.
Медведь, беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
В селеньях, вдоль степной дороги
Близь Молдаванского двора
Перед толпою осторожной
И тяжко пляшет и ревет,
И цепь докучную грызет.
На посох опершись дорожной
Старик лениво в бубны бьет,
Алеко с пеньем зверя водит,
Земфира поселян обходит
И дань их вольную берет;
Настанет ночь; они все трое
Варят нежатое пшено;
Старик уснул — и все в покое...
В шатре и тихо и темно.

Старик на вешнем солнце греет
Уж остывающую кровь;
У люльки дочь поет любовь.
Алеко внемлет и бледнеет.

Земфира.

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Алеко.

Молчи. Мне пенье надоело,
Я диких песень не люблю.

Земфира.

Не любишь? мне какое дело!
Я песню для себя пою.

Режь меня, жги меня,
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

Алеко.

Молчи, Земфира, я доволен...

Земфира.

Так понял песню ты мою?

Алеко.

Земфира!..

Земфира.

Ты сердиться волен,
Я песню про тебя пою.

(Уходит и поет: старый муж и проч.)

Старик.

Так, помню, помню: песня эта
Во время наше сложена,
Уже давно в забаву света
Поется меж людей она.
Кочуя на степях Кагула
Ее бывало в зимню ночь
Моя певала Мариула,
Перед огнем качая дочь.
В уме моем минувши лета
Час от часу темней, темней;
Но заронилась песня эта
Глубоко в памяти моей.

Все тихо; ночь; луной украшен
Лазурный Юга небосклон,
Старик Земфирой пробужден.
„О, мой отец, Алеко страшен:
Послушай, сквозь тяжелый сон
И стонет и рыдает он.“

Старик.

Не тронь его, храни молчанье.
Слыхал я Русское преданье:
Теперь полуночной порой
У спящего теснит дыханье
Домашний дух; перед зарей
Уходит он. Сиди со мной.

Земфира.

Отец мой! шепчет он: Земфира!

Старик.

Тебя он ищет и во сне:
Ты для него дороже мира.

Земфира.

Его любовь постыла мне,
Мне скучно, сердце воли просит,
Уж я... но тише! слышишь? он
Другое имя произносит.

Старик.

Чье имя?

Земфира.

Слышишь? хриплый стон
И скрежет ярый!.. Как ужасно;
Я разбужу его.

Старик.

Напрасно,
Ночного духа не гони;
Уйдет и сам.

Земфира.

Он повернулся;
Привстал; зовет меня; проснулся.
Иду к нему. — Прощай, усни.

Алеко.

Где ты была?

Земфира.

С отцем сидела.
Какой-то дух тебя томил,
Во сне душа твоя терпела
Мученья. Ты меня страшил:
Ты сонный скрежетал зубами
И звал меня.

Алеко.

Мне снилась ты.
Я видел, будто между нами...
Я видел страшные мечты.

Земфира.

Не верь лукавым сновиденьям.

Алеко.

Ах, я не верю ни чему:
Ни снам, ни сладким увереньям,
Ни даже сердцу твоему.

Старик.

О чем, безумец молодой,
О чем вздыхаешь ты всечасно?
Здесь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубит.

Алеко.

Отец! она меня не любит.

Старик.

Утешься, друг; она дитя,
Твое унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.
Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит,
И вот, уж перешла в другое
И то не долго посетит.
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись?
Утешься!

Алеко.

Как она любила!
Как нежно преклонясь ко мне,
Она в пустынной тишине
Часы ночные проводила!
Веселья детского полна,
Как часто милым лепетаньем
Иль упоительным лобзаньем,
Мою задумчивость она
В минуту разогнать умела!
И что ж? Земфира не верна!
Моя Земфира охладела.

Старик.

Послушай, расскажу тебе
Я повесть о самом себе.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожал еще Москаль —
(Вот видишь: я припоминаю,
Алеко, старую печаль.)
Тогда боялись мы Султана;
А правил Буджаком Паша
С высоких башен Акермана —
Я молод был; моя душа
В то время радостно кипела,
И ни одна в кудрях моих
Еще сединка не белела;
Между красавиц молодых
Одна была... и долго ею
Как солнцем любовался я,
И наконец назвал моею.

Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрее! только год
Меня любила Мариула.

Однажды, близь Кагульских вод
Мы чуждый табор повстречали;
Цыганы те, свои шатры
Разбив близь наших у горы,
Две ночи вместе ночевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,

Ушла за ними Мариула.
Я мирно спал; заря блеснула;
Проснулся я: подруги нет!
Ищу, зову — пропал и след.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакал!.. С этих пор
Постыли мне все девы мира;
Меж ими никогда мой взор
Не выбирал себе подруги,
И одинокие досуги
Уже ни с кем я не делил.

Алеко.

Да как-же ты не поспешил
Тот час во след неблагодарной
И хищникам и ей, коварной
Кинжала в сердце не вонзил?

Старик.

К чему? вольнее птицы младость.
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь.

Алеко.

Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь;
Или хоть мщеньем наслажусь.
О нет! когда б над бездной моря
Нашел я спящего врага,
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея;
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного-б толкнул;
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.

Молодой Цыган.

Еще одно, одно лобзанье!

Земфира.

Пора: мой муж ревнив и зол.

Цыган.

Одно... но доле! на прощанье.

Земфира.

Прощай, покамест не пришел.

Цыган.

Скажи — когда ж опять свиданье?

Земфира.

Сего дня; как зайдет луна,
Там, за курганом над могилой...

Цыган.

Обманет! не придет она.

Земфира.

Беги — вот он. Приду, мой милый.

Алеко спит. В его уме
Виденье смутное играет;
Он с криком пробудясь во тме,
Ревниво руку простирает;
Но обробелая рука
Покровы хладные хватает —
Его подруга далека...
Он с трепетом привстал и внемлет...
Все тихо: страх его объемлет,
По нем текут и жар и хлад;
Встает он, из шатра выходит,
Вокруг телег, ужасен, бродит;
Спокойно все; поля молчат;
Темно; луна зашла в туманы,
Чуть брезжит звезд неверный свет,
Что по росе приметный след
Ведет за дальные курганы:
Нетерпеливо он идет,
Куда зловещий след ведет.

Могила на краю дороги,
Вдали белеет перед ним,
Туда слабеющие ноги
Влачит, предчувствием томим,
Дрожат уста, дрожат колени,
Идет... и вдруг... иль это сон?
Вдруг видит близкие две тени
И близкий шопот слышит он
Над обесславленной могилой.

Первый голос.

Пора —

Второй голос.

Постой!

Первый голос.

Пора, мой милый.

Второй голос.

Нет, нет! постой, дождемся дня.

Первый голос.

Уж поздно.

Второй голос.

Как ты робко любишь.
Минуту!

Первый голос.

Ты меня погубишь.

Второй голос.

Минуту!

Первый голос.

Если без меня
Проснется муж...

Алеко.

Проснулся я.
Куда вы? не спешите оба;
Вам хорошо и здесь у гроба.

Земфира.

Мой друг, беги, беги!

Алеко.

Постой!
Куда, красавец молодой?
Лежи!

(Вонзает в него нож).

Земфира.

Алеко!

Цыган.

Умираю!

Земфира.

Алеко! ты убьешь его!
Взгляни: ты весь обрызган кровью!
О, что ты сделал?

Алеко.

Ничего.
Теперь дыши его любовью.

Земфира.

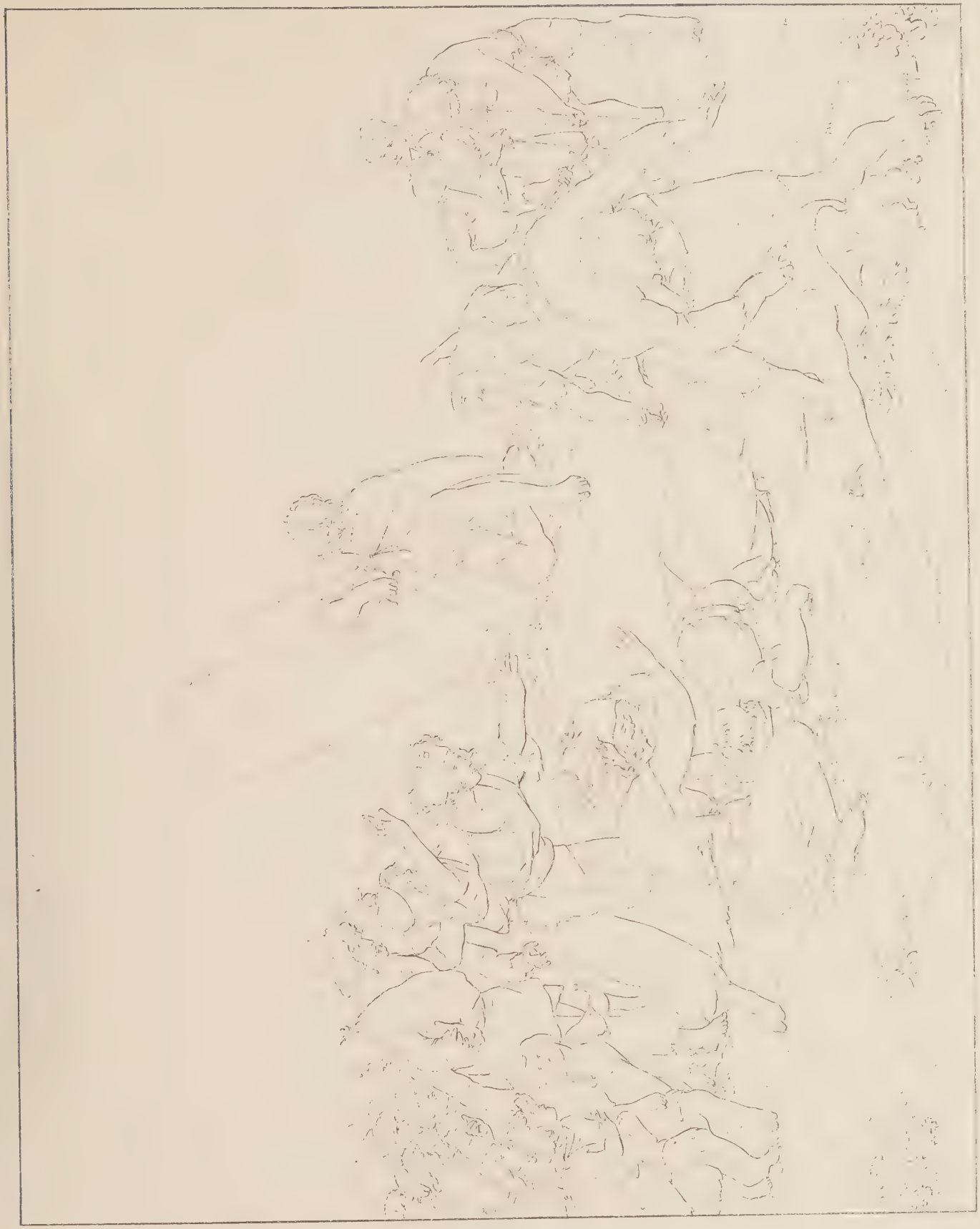
Нет, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы презираю,
Твое убийство проклинаю.

Алеко.

Умри ж и ты! *(Поражает ее).*

Земфира.

Умру любя.



Восток, денницей озаренный,
Сиял. Алеко за холмом,
С ножем в руках, окровавленный
Сидел на камне гробовом.
Два трупа перед ним лежали;
Убийца страшен был лицем;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу в стороне копали,
Шли жены скорбной чередой
И в очи мертвых целовали.
Старик отец один сидел
И на погибшую глядел
В немом бездействии печали;
Подняли трупы, понесли
И в лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрел
На все. Когда же их закрыли
Последней горстию земной,
Он молча, медленно склонился,
И с камня на траву свалился.

Тогда старик, приближась, рек:
„Оставь нас, гордый человек!
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним,
Не нужно крови нам и стонов;
Но жить с убийцей не хотим.
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел; — оставь же нас,
Прости! да будет мир с тобою.“

Сказал и шумною толпою
Поднялся табор кочевой
С долины страшного ночлега,
И скоро все в дали степной
Сокрылось. Лишь одна телега,
Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.
Так иногда перед зимою,
Туманной утренней порою
Когда подъемлется с полей
Станица поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несется,
Пронзенный гибельным свинцом
Один печально остается,
Повиснув раненым крылом.
Настала ночь; в телеге темной
Огня никто не разложил,
Никто под крышею подъемной
До утра сном не опочил.

ЭПИЛОГ

Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней.
В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу Русский указал,
Где старый наш Орел двуглавый
Еще шумит минувшей славой,
Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные Цыганов,
Смиренной вольности детей.

Но щастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!
И под издранными шатрами,
Живут мучительные сны,
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

БЛЮСТЪ

К ТЕКСТУ „ЦЫГАН".

При жизни Пушкина „Цыганы" появились в печати дважды: в отдельном издании в 1827 г. и во второй части „Поэм и повестей" в 1835 году. Текст последнего издания воспроизведен нами с буквальной точностью, с сохранением всех особенностей орфографии и пунктуации, но по новой орфографии.

Текст издания 1835 года совершенно тождественен с текстом издания 1827 года и должен считаться окончательным. Некоторые издатели вводят в этот текст еще восемь стихов; они вписаны рукою Пушкина в экземпляре „Цыган" 1827 года, принадлежавшем князю П. А. Вяземскому, и должны читаться после стиха 553 (в эпилоге — „Смиренной вольности детей").

За их ленивыми толпами,
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями;
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы,
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

Быть может, издатели Пушкина правы в своем указании на то, что эти стихи откинуты поэтом в виду личного их характера, но это соображение, по нашему мнению, не уполномочивает нас на введение этих стихов в окончательный текст поэмы. То обстоятельство, что Пушкин сообщил эти интимные стихи своему интимному другу князю П. А. Вяземскому, еще не свидетельствует о желании Пушкина видеть их в печатном тексте поэмы.

П. Щ.

ЛЮДВИГ МАЙДЕЛЬ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Имя художника Майделя мало известно в России даже специалистам историкам искусства, а между тем он, как истолкователь нескольких произведений Жуковского и Пушкина, был бы вправе рассчитывать на память наших соотечественников... Мы постараемся в настоящем очерке свести воедино довольно обширные печатные материалы, накопившиеся о Майделе в немецкой, преимущественно Остзейской литературе [1]; из очерка этого станет ясна роль Майделя в истории искусства в Прибалтийском крае, где он был пионером и основоположником местной художественной деятельности, оставив по себе след во всех областях изобразительного искусства—живописи, скульптуре, гравюре, литографии, ксилографии, чеканке и т. д. Его рисунки к выдающимся произведениям Жуковского и остававшиеся до настоящего времени неизданными и лишь теперь появляющиеся на свет прекрасные иллюстрации к „Цыганам" Пушкина особенно интересны и дороги для всякого, кто любит Русскую литературу.

Людвиг фон Майдель (Friedrich-Ludwig von Maydell), потомок древнего Эстляндского рода [1], родился 29-го ноября 1795 года в Штенгузене, родовом имении в Эстляндии. Отец его, Рейнгольд-Готлиб фон-Майдель (род. 1771, ум. 1846 г.), окончивший жизнь в почетной должности Президента Эстляндской Провинциальной Консистории, был женат на бар. Варваре-Гертруде-Доротее фон-Унгерн-Штернберг (род. 1768 г.) [2]; он уже имел от нее одного сына, когда неблагополучное рождение двух близнецов — будущего художника и его брата Павла—явилось причиною смерти матери, через месяц после родов, 29-го декабря 1795 года [3].

9-летним мальчиком Людвиг Майдель с братьями был отдан в гернгутерское воспитательное заведение в Нейвиде, на Рейне (около Кобленца), где и провел 1804—1810 годы и затем закончил образование в Дворянско-Домском Училище в Ревеле. Когда в 1812 г., в пору общего возбуждения патриотических чувств, в Ревеле сформирован был Российско-Германский легион, молодой Майдель вступил в него в ноябре 1812 года прапорщиком и принял участие в походе против французов, а когда легион был причислен к Прусским войскам, Майдель в ноябре 1814 г. перешел в Петербургский гренадерский полк, с которым принял участие во вторичном походе в Париж. 20-го декабря 1814 г. он вернулся на родину, через 2 года перевелся в 25-ую артиллерийскую бригаду, а 2-го января 1820 г. вышел в отставку (поручиком), уступая желанию отца, и поступил в Дерптский Университет для изучения юридических наук. Нужда заставила его принять в то же время место архивариуса в Университете.

---

[1]) Нами использованы следующие источники для биографии Майделя: статья о нем L. Pezold'a въ Allgemeine Deutsche Biographie, B. XXI, Leipzig. 1885, S. 84—86; Taschenbuch der Deutschen in Russland, herausgegeben von Jegor von Sivers, 1858, S. 26—31 (статья A. von Sternberg'a); Das freiherrliche Geschlecht von Maydell. Für die Familie zusammengestellt und in Druck gegeben von Baron Karl von Maydell, Helsingfors. 1868, S. 290—295, 304—305; Das freiherrliche Geschlecht von Maydell. I Fortsetzung Von Bogdan Baron Maydell zu Schloss-Felks, Reval. 1895, S. 3—4, 10—17; D-r Wilh. Neumann: Friedrich Ludwig v. Maydell. Ein baltischer Maler—«Rigasche Stadtblätter» 1897, N 32, 33, 34 u. 35 и отд. отт., Рига. 1897; Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild (von Basil von Reutern), St.-Petersb. 1894, S. 47; П. М. Майковъ, Русскій художникъ въ Германіи — «Русск. Вѣстн.» 1894 г., № 9, стр. 230; Auszüge aus den Kirchenbüchern der Estländischen Konsistorialbezirks bis zum Jahre 1900. I Teil... Von Wold. B. Hoyningen Huene. 1913/1915, Reval, S. 139, 143; Lexikon Baltischer Künstler. Herausgegeben von D-r. Wilhelm Neumann, Riga. 1908, S. 105—106 (біографія и полный перечень всѣхъ работъ Майделя); W. Neumann, Baltische Maler und Bildhauer des XIX Jahrh., S. 39—41; «St. Petersb. Zeitung» 1898, № 211 и 212, въ статьѣ Karl Krüger'a: «Aus Dorpats vergangenen Tagen. Biographische Skizzen» (біографія и свѣдѣнія о работахъ); Д. А. Ровинскій, Подробный Словарь Русскихъ граверовъ XVI—XIX вв., С.-Пб. 1895, ст. 416. Остальные источники см. далее, в ссылках к тексту нашей статьи.

[1]) Род Майделей, известный в Эстляндии с конца XIV века, лишь в январе 1868 г. признан в России в баронском достоинстве (см. Списки титулованным родам и лицам Российской Империи, изд. Деп. Герольдии, С.-Пб. 1892, стр. 237—238).

[2]) О его литографированном Гиппиусом портрете см. у Д. А. Ровинского в Словаре Русских гравированных портретов, т. II, по указ.

[3]) В июле 1800 г. Майдель женился вторично — на сестре первой жены — баронессе Августе-Маргарите-Юлиане фон-Унгерн-Штернберг (род. 1779, ум. 1843) и имел от нее 11 человек детей.

Занятия юриспруденциею шли у Майделя настолько успешно, что его профессор Х. Х. Дабелов прочил ему в будущем кафедру. Но судьба решила иначе. Проявившийся еще в школьные годы талант к живописи влек Майделя к карьере художника. В годы военной службы, в долгие томительные стоянки по русским деревням, он заполнял свои досуги рисованием и живописью. Теперь в Дерпте, ведя жизнь полу-чиновника, полу-студента, он, однако, мог отдаваться своим любимым занятиям лишь по ночам. К счастию, ему удалось поступить в мастерскую известного тогда живописца Карла-Августа Зенффа (род. 1770, ум. 1838), который с 1802 года был преподавателем рисования и гравировального искусства в Дерптском Университете [1]). В конце концов, Майдель решил, что живопись — его истинное призвание, бросил Университет (в 1822 году) и на небольшие средства, предоставленные ему отцом, отправился в Германию и Италию чтобы уже окончательно и всецело посвятить себя искусству.

Таков был путь, долгий, сложный и путаный, по коему Майдель дошел до любимого дела, которому затем, с редкою преданностью и самоотвержением, служил уже всю свою остальную жизнь, но которое не принесло ему ничего кроме нравственного удовлетворения и сознания исполненного призвания и долга...

По приезде в Германию, Майдель начал с изучения художественных галлерей Берлина и Дрездена, а затем около года работал в Штутгарте в Karlsschule, где развился его вкус к стилю древне-немецкой живописи, сделавшийся господствующим в его работах масляными красками, хотя он, во время своего позднейшего трехлетнего пребывания в Риме, и старался приблизиться к манере итальянской школы.

Переселившись весною 1824 года в Рим, Майдель продолжал работать не только по живописи, но занимался и гравированием и скульптурою. Некоторое время наставником и руководителем Майделя в его занятиях живописью в Риме был знаменитый немецкий художник Овербек, который, вместе с другими четырьмя немецкими живописцами — Шадовом, Корнелиусом, Фейтом и Шкоттом — основал в вечном городе так называемое „Братство святого Исидора", поставившее себе целью проводить в искусстве идеи религии и нравственности. Это направление было легко воспринято и прочно усвоено Майделем, который, по свойствам своего характера и по взглядам, был как нельзя более к нему предрасположен и явился, таким образом, достойным учеником своего учителя и кружка его друзей. Он вращался в довольно широком кругу молодых немецких художников, живших и учившихся тогда в Риме, — был в дружеских отношениях с архитектором Вильгельмом Шгиром (который сердечно вспоминает о Майделе в своих „Hesperischen Blättern", изданных в Берлине в 1857 г.), Гергардом Рейтерном (впоследствии тестем Жуковского) и другими, — особенно же с Вильгельмом Рихтером, известным живописцем и автором пространных „Lebenserinnerungen eines deutschen Malers. Selbstbiographie nebst Tagebuchniederschriften und Briefen", 2 Bände, 8 Aufl. Frankfurt a/M. 1885); в этих Воспоминаниях находится много данных об образе жизни упомянутого выше Римского кружка немецких художников (за время до весны 1826 г.). По рассказу Рихтера, Майдель вел жизнь полустуденческую, полу-военную, был поневоле крайне скромен и экономен в своем обиходе и до чрезвычайности трудолюбив. Религиозный, мечтательный, проникнутый истинно-протестантским благочестием и настроением, Майдель любил и изучал Библию. Внешность его тогда была очень привлекательна: мощная, статная фигура, одухотворенное лицо, голубые, продолговатой формы глаза и белокурые прямые волосы, — тип красивого уроженца Севера...

Пребывание Майделя в Риме продлилось до весны 1827 года, когда он должен был предпринять обратный путь на родину. Будущее его было весьма неопределенно, так как в Остзейском крае интерес к искусству был в ту пору ничтожен. Проездом через Дрезден Майдель посетил своего друга В. Рихтера, который в Воспоминаниях своих высказывает убеждение, что если бы Майдель остался в Германии, он непременно был бы замечен, как художник, и занял бы то место, на которое имел право по своим дарованиям. Но привязанность к родине взяла свое, — и Майдель возвратился в Эстляндию. Сюда влекла его и давняя любовь к кузине, Терезе-Агриппине-Констанции фон-Мюллер (род. 1795, ум. 6-го февраля 1882) [1]), с которою он обручился еще до отъезда своего заграницу и с которою теперь обвенчался 12-го октября 1827 года. Молодая чета поселилась сперва у отца Майделя—в Штенгузене; здесь художник усердно работал над серией иллюстраций к „Песни Песней" Соломона, но затем, в поисках заработка, переехал, весною 1829 г., в Дерпт и поместился у своего свояка, профессора Морица Федоровича Энгельгардта. Однако, и в Дерпте Майдель с трудом добывал средства к содержанию семьи: в провинции тогда было еще мало потребности в произведениях искусства: Майделю приходилось, из-за хлеба насущного, растрачивать свои дарования по мелочам, не гнушаясь даже частными уроками рисования; впрочем, его богатый творческий талант сам не давал ему остановиться на какой-нибудь одной отрасли искусства: владея кистью, карандашом, грабштихелем и резцом, он занимался еще литьем и чеканкою из серебра, резьбою из дерева, ваянием из мрамора и т. под. Первый серьезный заказ Майдель получил в знаменитом Ревельском соборе св. Олая, сгоревшем от удара молнией в ночь на 16-ое июня 1820 г. и реставрировавшемся, под общим наблюдением инженер-

[1]) У него брал уроки гравирования Жуковский. О Зенффе см. обстоятельную монографию W. Neumann'a: «Karl August Senff, ein baltischer Kupfersticher», Reval. 1895, с портретом его, перечнем работ и воспроизведением некоторых гравюр, а также Биографический Словарь профессоров и преподавателей Имп. Юрьевского бывшего Дерптского Университета. Под редакцией Г. В. Левицкого, т. I, Юрьев. 1902, стр. 460-463

[1]) Дочь бригадира Готгарда-Христофора фон-Мюллера и Варвары-Вильгельмины, рожд. Майдель; сестра Терезы была замужем за профессором Дерптского Университета Энгельгардтом.

генерала Александра фон-Фельдмана, на средства, дарованные имп. Николаем I; Майделю были заказаны: картина в алтарь, барельефы у алтаря и модели для статуй. Затем он исполнил еще серебряные чеканные доски к Евангелию, которые Эстляндское дворянство поднесло обер-пастору Эдуарду Гершельману, а также рисовал и орнаментировал многочисленные дворянские дипломы и матрикулы.

В Лифляндии Майдель, кроме таких же дипломов и т. п. работ, сделал пять запрестольных образов, — в том числе для церкви св. Иоганна и для других церквей в Дерпте, а также красивый титульный лист (с изображением на нем рыцарского турнира) для Дворянской книги. Для нескольких деревенских церквей (напр., в родном Штенгузене) он исполнил масляными красками запрестольные образа. Очень удачно сделал он из мрамора бюст известного профессора Эверса, многолетнего Ректора Дерптского Университета [1]).

Летом 1835 г. Майдель, побуждаемый успехом гравюр на дереве своего друга Людвига Рихтера, как бы возродившего это искусство, совершил поездку в Германию для изучения гравирования на дереве. Он обратился для этого к Фридриху Вильгельму Губитцу (род. 1786, ум. 1870) в Берлине и в течение нескольких недель занимался у ученика Губитца—Фридрих-Людвига Унцельмана, после чего совершил поездку в Мейссен, где Рихтер с 1828 г. служил главным рисовальщиком на известной фаянсовой фабрике. По возвращении на родину, он усердно начал, заниматься гравюрою на дереве, стараясь научить этому искусству нескольких молодых людей — А. Герна, Г. Калли Шмидта и Михельсена. В 1840 и 1841 г. появились первые скромные опыты школы Майделя — голова Христа к Евангельскому тексту (4°) и две иллюстрации к эстонскому календарю на 1840 и 1841 г., резанные по рисункам Майделя (Здание Университета и Мариинская кирка в Дерпте). Несколько ранее он сделал две литографии для одного издания Басен Крылова на немецком языке, о которых Л. Рихтер выразился, что хотя они сделаны ранее работ Grandville'я и Kaulbach'a, но равны им по качеству. Тогда же он работал над гравировкою крепкою водкою иллюстраций к „Ундине“ Жуковского. Об этих прекрасных иллюстрациях друг и биограф Жуковского — доктор К. К. Зейдлиц пишет: „Как художник, влюбленный в свое произведение, Жуковский всячески хотел украсить свою „Ундину“, эту любимую дочь своего романтизма. Он заказал у отличного живописца Майделя, жившего в Дерпте, рисунки на манер иллюстраций Ретша к сочинениям Гёте и Шиллера. Майдель сделал 20 превосходных эскизов in-octavo (к каждой главе по одному и, кроме того, один для вступления). Эти рисунки представляют наилучший живописный комментарий к стихам Жуковского, который очень любовался этими произведениями даровитого художника, по большей части рисованными на глазах поэта, на мызе Эллистфер. „Ундина“ вышла в 1837 году издивением Александра Смирдина в очень изящном издании“ [1]). Книга, действительно, была отпечатана очень красиво в типографском отношении; кроме обычных экземпляров с черными гравюрами Майделя, были экземпляры с гравюрами, сделанными желтою краскою [2]); самые же рисунки Майделя, сделанные очерком, отличаются помимо мастерства исполнения, изяществом и богатством фантазии, а местами — лукавым и тонким юмором; последние черты, столь близкие и Жуковскому, особенно сказались в исполненных Майделем (в красках), по совету Жуковского же, неподражаемых, по выражению биографа, рисунках к „Сказке о царе Берендее“ [3]); рисунки эти, по словам вдовы Майделя, были приобретены, при добром содействии Жуковского, имп. Александрою Федоровною и остались неизданными; ею же куплены были и иллюстрации Майделя к „Песни Песней“. Рассказывая о работах мужа, вдова Майделя, а за нею и его биографы, упоминают и о рисунках его к „Цыганке“ Пушкина, проданных им кому-то в Петербурге. Нет сомнения, что под „Цыганкою“ надо угадывать Пушкинских „Цыган“, — т. е. те самые прелестные иллюстрации, которые ныне издаются. Следует сказать еще, что Майделем были исполнены рисунки к „Экклезиасту“ и 2-я серия иллюстраций к „Песни Песней“; их он рассчитывал продать королю Прусскому Фридриху-Вильгельму IV и издать в Германии при содействии Штутгардтского книгопродавца Лишинга, — но ни то, ни другое предположение не осуществилось, хотя Майдель уже изготовил и деревянные клише для издания, и сам ездил для этого в Германию (1845). Интересна судьба этих рисунков. Когда Майдель умер, вдова его просила Лишинга передать рисунки Жуковскому, проживавшему тогда заграницей. Жуковский обещал эти рисунки, в ящике, в котором они находились, отправить в Россию, но умер, не исполнив намерения. Все его наследие, а в том числе и ящик Майделя, попало в Дерпт, откуда, как наследственное имущество, находившееся под печатями, должно было быть отправлено к вдове Жуковского в Москву. Вскоре, однако, последняя также умерла, и хотя к сыну Жуковского в 1862 году была обращена просьба о возвращении ящика (в котором находились и рисунки к „Орлеанской Деве“), однако, просьба не имела успеха. Не лучше дело окончилось и с рисунками к „Песни Песней“, которые были переданы Русскому посланнику в Берлине бар. Мейендорфу: последний был переведен в Вену и там умер. Прочее наследие Майделя в гравированных досках и картинах было на хранении у семейства фон-Браш в Ропком и только доски с картинами к Лифляндской истории оставались у вдовы художника, которая, к сожалению, должна была продать их в лом, как старую медь...

Рисунки к „Орлеанской Деве“ Шиллера, в известном переводе Жуковского (числом 15), были сделаны Май-

[1]) Известны стихи ему Жуковского (1815 г. „Старцу Эверсу“); бюст находился в Университетской Библиотеке в Дерпте.

[1]) К. К. Зейдлиц. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского, С.-Пб. 1883, стр. 159; ср. в статье Н. В. Соловьева: Поэт-художник В. А. Жуковский в сборнике „В А. Жуковский“, изд. журнала „Русский Библиофил“, С.-Пб 1913, стр. 83, и у Г. Геннади, Словарь, т. II стр. 10 и 374.

[2]) Такой экземпляр имеется в библиотеке Пушкинского Дома.

[3]) Сказка эта написана была Жуковским в 1831 году.

делем сепией, в 1842 году; около этого же времени были исполнены им 5 гравюр на дереве к изданным К. Руссвурмом в Лейпциге (в 1842 г.) „Nordische Sagen“ и 4 литографированных листа изображений эстонских народных костюмов.

Дружеские сношения с Жуковским не ограничились делом издания в 1837 г. „Ундины“ с иллюстрациями Майделя: в 1840 году был издан в Петербурге в „Памятнике Искусств“ (тетр. 4) „Ночной смотр. Die nächtliche Heerschau“—известный перевод Жуковского из Цедлица с 3 рисунками Майделя [1]), а через три года, „по распоряжению Жуковского“, художник выполнил рисунки, заставки, виньетки и орнаменты к переводу „Индейской повести“ Наля и Дамаянти, вышедшему в 1844 году [2]), в издании Фишера, в Петербурге, с прекрасным литографированным, по рисунку Майделя же, портретом [3]) вскоре умершей великой княжны Александры Николаевны (в индийском костюме Дамаянти), которой и была посвящена книга и поднесен экземпляр рукописи книги и оригиналы рисунков Майделя [4]). Все иллюстрации (числом 10 сцен и 30 украшений) были награвированы на дереве, в мастерской Майделя, его учениками: А. Герном, М. Михельсеном и Г. Калли. Отзывы критики были очень благоприятны для Майделя; так, например, критик „Литературной Газеты“ [5]) выразился про них, что они „по большей части прекрасны: в них так же много неопределенной, отвлеченной, но обаятельно-прекрасной поэзии, как и в самой поэме“. Покровительствовавший Майделю Жуковский хотел поручить ему отделку комнат нового дворца великой княгини Марии Николаевны фресками на сюжет из „Двенадцати спящих дев“, но проэкт этот почему-то не осуществился [6]). Упомянем еще об иллюстрации к стихотворению Пушкина „Перед гробницею святой“ (1831), на которой поэт изображен перед могилою Кутузова в Казанском соборе; рисунок этот, исполненный В. Тиммом, был вырезан на дереве, вероятно, Майделем и присоединен к стихотворению Жуковского „Ночной смотр“ в 4 тетради „Памятника Искусств“ (см. выше). Он воспроизводится при настоящей книге.

Об искусстве Майделя, как гравера и как исторического живописца, свидетельствуют его гравюры к предпринятому им, но не оконченному изданию „Fünfzig Bilder aus der Geschichte der deutschen Ostsee-Provinzen Russlands nebst erklärendem Text von Ludvig v. Maydell“; впрочем, оно вышло лишь в 2 выпусках (в Дерпте, 1839 и 1842 г.), с 10 картинами в каждом выпуске; дальнейшие выпуски, вследствие банкротства издателя, С. А. Клуге, остались, неизданными, к большому горю и убыткам Майделя....

Он вообще был „неудачник“; несомненно, что при своем таланте, познаниях, любви к искусству и редком трудолюбии, Майдель пошел бы далеко, если бы сосредоточился на какой-нибудь одной отрасли изобразительного искусства; но он брался за многое, „разбрасывался“; помимо всего перечисленного, он трудился еще над составлением руководств и книг [1]).

Все это свидетельствует о редкой производительности и трудолюбии художника, жизнь которого оборвалась внезапно, неожиданно, в период полного расцвета деятельности: во время поездки в Ревель, для определения в Domschule своего единственного сына, он заболел жестокою дизентерией [2]) и пал ее жертвою 6-го сентября 1846 г. погребен он возле отца, на Гольденбекском кладбище.

Одаренный высокими душевными качествами, по натуре — истинный художник, религиозно-чистый и мягкий нравом, Майдель был человек многосторонне образованный, скромный и чрезвычайно располагающий к себе; он пользовался общим уважением и любовью. Жена рисует его, как человека „с серьезным, ровным характером, ласкового и всегда довольного тем, что посылает господь. Прирожденную вспыльчивость он преодолел еще смолоду, проникнувшись верою в того, кто и слабого делает сильным. В этой вере он жил и сносил с терпением Иова и с кротостью сердца утрату четырех многообещавших детей; только двое младших — мальчик [3]) и девочка — остались у нас“. Этими чертами характера Майдель походил на Жуковского, — что, несомненно, было причиною сближения поэта-художника с Майделем [4]). Говоря о „тихой, милой ласковости всего его существа, каким оно проявлялось и дома, и вне его“, вдова указывает еще на ту любовь, с которою он, в качестве Директора Дерптского Общества помощи бедным, работал на пользу его многочисленных клиентов. Много лет был он также секретарем Библейского Общества в Дерпте и своим усердием много содействовал его процветанию. С 1839 г. Майдель состоял еще членом Эстонского Ученого Общества и с 1842 г. до смерти был Хранителем его собраний; среди них находился и портрет Майделя, писанный неизвестным мастером, масляными красками.

Б. Модзалевский.

---

[1]) Г. Геннади, Словарь, т. II, стр. 374; Н. В. Соловьев, о. с., стр. 51, с неверным указанием года издания; тот же Соловьев (стр. 83) говорит, что Майдель иллюстрировал еще „Двенадцать спящих дев“ Жуковского, но это указание, кажется, неверно (ср. стр. 51).

[2]) Ценз. разрешение от 12-го мая 1843 г.

[3]) Были и отдельные отпечатки портрета, на китайской бумаге большого листа (В. Я. Адарюков и Н. А. Обольянинов, Словарь русских литографированных портретов, т. I, М. 1916, стр. 9).

[4]) Н. В. Соловьев, о. с., стр. 83.

[5]) 1844 г., № 3, стр. 53—55. См. еще „Библ. для Чтения“ 1844 г., т. 62, отд. 6, стр. 49—56; „Москвитянин“ 1844 г., т. 2, № 3, стр. 60—66; „Маяк“ 1844 г., т. 14, кн. 27, стр. 12—34; „Русск. Инвал.“ 1844 г., № 27; Белинский (в „Отеч. Зап.“) и Плетнев (в „Современнике“) в своих статьях о „Нале и Дамаянти“ ни словом не обмолвились о рисунках Майделя.

[6]) Н. В. Соловьев, о. с., стр. 83—84. В личном собрании Жуковского был оригинальный рисунок Майделя (там же, стр. 173).

[1]) „Abweisung für die ersten Anfänger im Schraffiren“, Dorpat. 1837, у С. А. Kluge (съ 80 литографированными Ф. Шлатером рисунками Майделя); „Zeichenlehre, nach dem natürlichen Gange der Auffassung entwickelt für Anfänger und Kinder“ (с 24 листами рисунков Майделя, литографированных Ф. Шлатером, 8°, и с 6 страницами текста), издание Laakmann'a, 1841; „Elemente des antiken Ornaments“, in 25 Vorlegeblättern. Dresden. 1845, и „Geometrische Reisskunst für Gewerkschulen und angehende Gewerksleute“, Dorpat. 1849 (посмертно).

[2]) От которой за 8 дней до того скончался его престарелый отец.

[3]) Этот сын — барон Гергард Майдель (род. 19 апреля 1835 г., умер 5 августа 1894 г.) — известен своим ученными работами, главным образом изданною Академиею Наук двухтомною книгою (на русском — 1894—1896 и немецком — 1893—1896): „Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах“, с атласом и списком рек.

[4]) Несомненно, что между ними была переписка; но писем Жуковского к Майделю в печати не появлялось.

Десять рисунков Майделя воспроизводятся в этом издании в настоящую их величину. Они исполнены художником китайской тушью на гладкой ватманской бумаге, имеющей филигран и дату 1827 г. Бумага, на которой переписан текст другой английской фабрики и датирована 1831 годом (название фабрики больше чем наполовину срезано и можно прочесть приблизительно: „ORKEI (?) MILL"). Есть основание предполагать, что после окончания всей сюиты рисунков последовало решение видоизменить характер издания и контурные композиции, сделанные в расчете на гравюру на меди заменить политипажами.

Доказательством этому служат три отлично награвированные на дереве вещицы, существующие в пробных оттисках на китайской бумаге: 1) Пушкин у гробницы Кутузова, 2) виньетка с заголовком „Цыганы" и 3) финальная иллюстрация, изображающая степь и раненную птицу на обломке скалы [1]). На этой последней, значительно отступающей во многих подробностях от рисунка, исполненного контурным приемом, существует подпись гравера Бируст. Это фамилия известного французского ксилографа Biroust, работавшего в Париже в 30 и 40-х годах XIX века. Политипажи этого мастера были на выставке в ПГ. Академии Художеств 1842 г., что дало основание Д. А. Ровинскому включить его в свой словарь в качестве русского гравера. К рисункам дан рукописный текст поэмы на десяти листах в отрывках, относящихся к иллюстрациям, с параллельным переводом на немецкий язык, исполненным для первых восьми таблиц L. v. d. Borg и к последним двум Caroline Jänisch (изв. писательница Каролина Павлова). Перед рисунком и текстом имеется лист ватмана с надписями: „Чертежи к поэме А: Пушкина Цыганы сочиненныя Л: ф: Майделем." и „Umrisse zu dem Gediechte von A: Puschkin Die Zigeuner entworfen von L: v. Maydell.

Размер рукописи в миллиметрах: высота 287, шир. 245. Переплет — 295 × 250. Переплет конца 30-ых гг., он зеленой кожи с характерным для эпохи тиснением, в 4 полосы. Бордюр по краю оттиснут золотом.

Комитет Популяризации
Художественных Изданий

[1]) Эти гравюры воспроизводятся здесь в виде фронтисписа, малого титула, в конце поэмы и на обложке.

20 руб.
10 р–